

Сейчас, размышляя об этом, Сяо Чжигэ понимал: все те слухи Чан Цзайчан распускал намеренно, надеясь спровоцировать его. Вот только Сяо Чжигэ был не из тех, кого легко взять на слабо. И хотя выдуманные истории тогда не сработали, они затаили в себе скрытую угрозу и в итоге застали его врасплох. Сяо Чжигэ стиснул зубы, мысленно припомнив Чан Цзайчану эту обиду, а затем снова закручинился, не зная, как теперь успокоить и порадовать своего супруга.

Ань Чанцин выслушал его с невозмутимым лицом и ледяным взглядом посмотрел на него:

— Выходит, ты всё это время думал, будто мне нравится Ли Хайюнь, а перед тобой я лишь лицемерно выслуживаюсь?

— ...Да, — кивнул Сяо Чжигэ, но тут же сообразил, что сказал что-то не то, и поспешно попытался исправить положение: — Но потом всё изменилось.

Ань Чанцин смерил его строгим взглядом, просто не зная, что и сказать. Этот человек в глубине души верил, будто его супруг вздыхает по другому мужчине, но ни словом, ни жестом не подал вида и продолжал относиться к нему с прежней нежностью и заботой... Ань Чанцин ещё сердился, но от этой мысли его сердце сжалось от жалости и боли.

В прошлой жизни, вплоть до самой смерти, этот мужчина не выпускал из рук нефритовый кулон «Двойная рыба». О чём же он думал тогда? Неужели до самого конца верил, что Ань Чанцин любит Ли Хайюня, и именно поэтому тот относился к нему с таким страхом и холодностью?

В груди у Ань Чанцина тоскливо защемило. Стиснув зубы, он слегка пнул его:

— И почему ты такой глупый?

Этот пинок для Сяо Чжигэ был что слону дробина, но, увидав покрасневшие глаза Ань Чанцина, он растерялся. Заботливо и бережно взяв его лицо в ладони, Сяо Чжигэ тихо сказал:

— Это моя вина. Впредь такого не повторится.

Подумав, что Ань Чанцин всё ещё сердится, Сяо Чжигэ помедлил, достал из своего цветочного фонарика записку и вложил её в ладонь супруга:

— Мою записку тоже можешь прочесть. А потом мы снова запустим фонарик, и желание обязательно сбудется.

Ань Чанцин бросил на него короткий взгляд и развернул бумажку. На ней аккуратным, строгим уставным почерком кайшу было выведено: «Защищать Но-но всю жизнь».

Ань Чанцин уже видел почерк Сяо Чжигэ — тот был под стать самому мужчине, всегда размашистый и дерзкий скорописью. Однако такую правильную, аккуратную каллиграфию он видел впервые. И хотя слова были просты и прямолинейны, в каждой черте ощущалась глубокая искренность и ответственность.

Ань Чанцин осторожно свернул записку, вложил её обратно в цветочный фонарик и, глянув на него, недовольно пробурчал:

— Одного этого мало, чтобы я сменил гнев на милость.

Взгляд Сяо Чжигэ немного померк:

— Чего бы Но-но ни пожелал, я исполню всё.

Ань Чанцин чуть приподнял голову и под его напряжённым взглядом неспешно произнёс:

— Тогда я накажу тебя... отныне каждый год запускать для меня цветочный фонарик.

Сердце Сяо Чжигэ трепетно сжалось. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, а на губах расцвела улыбка:

— Хорошо. Каждый год буду запускать его для тебя.

Ань Чанцин смерил его взглядом и слегка подтолкнул:

— Пойдём скорее запустим фонарик. У тебя одежда совсем мокрая, не боишься простудиться?

Сяо Чжигэ перехватил его руку и потянул за собой:

— Запустим его вместе.

Авторский комментарий:

Но-но: Казался таким умным человеком, а оказался глупцом.

Трус: ... (не смеет вымолвить ни слова.jpg)

Вернувшись к реке, они опустили фонарик на воду и, глядя, как он медленно уплывает вдаль, рука об руку отправились в башню «Вансянь».

Из-за долгого отсутствия, когда они вернулись в башню «Вансянь», Ань Сяньюй уже была там. Служанка за её спиной держала целую охапку всяких безделушек, а сама девушка выглядела очень довольной и веселой.

Время было уже позднее, и Ань Чанцин предложил вернуться в поместье. Все только этого и ждали, поэтому охотно поднялись со своих мест. Выходя из павильона Сунтао, Ань Чанцин заметил, что двери соседнего павильона Нунсюэ открыты, а внутри никого нет — судя по всему, семья Ань ушла раньше них.

Вернувшись в поместье князя, все разошлись по своим дворам. Ань Чанцин всё ещё беспокоился о промокшей обуви и одежде Сяо Чжигэ, поэтому, едва переступив порог, тут же велел слугам приготовить горячую воду и имбирный отвар, а сам стал торопить мужа сменить мокрое платье, чтобы тот не подхватил простуду.

Сяо Чжигэ привык к суровой жизни: ему и в лютый зимний мороз в воду прыгать приходилось, так что подобную мелочь он совсем не брал в голову. Однако Ань Чанцин строго посмотрел на него и сердито проворчал:

— Матушка говорила, что холод входит через стопы. Если в молодости не беречься, под старость придётся ох как несладко! Ты правда думаешь, что выкован из железа? Если на старости лет сляжешь от болезней, никто за тобой ухаживать не станет!

Тем временем слуги как раз принесли горячую воду. Ань Чанцин без лишних разговоров стащил с него верхнюю одежду и потащил в купальню:

— Живо иди мыться! А как выйдешь — выпей имбирный отвар!

Сяо Чжигэ оставалось лишь покориться. Он отправился в купальню, а когда, переодевшись в чистое сухое платье, вышел наружу, то увидел Ань Чанцина, несущего пиалу с горячим имбирным отваром. От этого вида на душе у него стало невероятно тепло.

С тех пор как скончалась его венценосная матушка, никто не проявлял к нему такой трогательной заботы. С двенадцати лет он находился в армии, пройдя сквозь огонь и воду, клинки и копья. Его окружали лишь суровые воины. Они были готовы отдать друг за друга жизнь, но никого из них не волновало, что будет на старости лет.

Воины, рискующие жизнью каждый день, думают не о далеком будущем, а лишь о том, как выжить прямо сейчас.

На этот раз, не дожидаясь напоминаний, Сяо Чжигэ подошёл, взял пиалу и в один вдох осушил обжигающий отвар. Приятное тепло волной разлилось по пищеводу, согревая всё тело.

Увидев такую покладистость, Ань Чанцин наконец сменил гнев на милость, тихонько хмыкнул и сам отправился умываться.

Когда он вернулся, мужчина уже разостлал постель и полулежал у стены. Увидев супруга, Сяо Чжигэ передвинулся на край, уступая ему уже согретое место.

Ань Чанцин скинул туфли, перебрался через его ноги и нырнул под одеяло, погружаясь в ласковое тепло, пропитанное мужественным ароматом Сяо Чжигэ. Быть может, оттого, что сегодня между ними всё прояснилось, Ань Чанцин, ощутив знакомый жар, вдруг почувствовал, как к щекам приливает краска. Почувствовав неловкость, он плотнее завернулся в одеяло и вместо того, чтобы по привычке уткнуться в грудь мужа, зарылся носом в перину, словно шелковичный червь в кокон, притворяясь спящим.

Сяо Чжигэ некоторое время ждал с распростертыми объятиями, но Ань Чанцин так и не прижался к нему. Наклонившись, он заметил, что у того не смыкаются густые черные ресницы — они едва заметно поддрагивали, выдавая, что супруг вовсе не спит.

Помедлив лишь мгновение, Сяо Чжигэ протянул руку и притянул его к себе. Ощутив родное, бесконечно дорогое тепло, Сяо Чжигэ ласково потерся подбородком о его макушку и обнял ещё крепче.

Ань Чанцин и без того смущался, а теперь, оказавшись в столь крепких объятиях и полном плену чужого дыхания, и вовсе почувствовал, что задыхается. Потомившись немного, он не выдержал, открыл глаза и, упёршись ладонями в его грудь, тихо пробормотал:

— Мне дышать нечем...

Сяо Чжигэ опустил взгляд как раз в тот момент, когда Ань Чанцин поднял голову. Их губы и кончики носов оказались в каких-то долях миллиметра друг от друга. Ресницы Ань Чанцина задрожали, он не решился встретиться с ним взглядом и отвёл глаза. Адамово яблоко Сяо Чжигэ несколько раз дёрнулось. Вспомнив о клятве любить друг друга до седых волос, уплывшей вместе с цветущим фонариком, он наконец поддался зову сердца и бережно, невесомо клюнул его в кончик носа.

Дрожь ресниц усилилась — Ань Чанцин напоминал бабочку, бьющуюся в сетях охотника. Но несмотря на это, он не стал вырываться или отталкивать его. Прикрыв глаза, он лишь слегка приподнял лицо, давая мужчине возможность поцеловать себя.

Бешено стучавшее сердце Сяо Чжигэ сжалось и тут же отозвалось мощным толчком. Закипающая кровь хлынула по жилам. Едва сдерживая тяжелое дыхание, он медленно и ласково покрывал поцелуями всё его лицо — от изящного кончика носа до красивого подбородка.

В этот суровый зимний день их переплетающееся дыхание расцветало дивным, пьянящим цветком.

Щёки Ань Чанцина пылали, а пальцы сжимали одеяло. Набравшись храбрости, он едва слышно спросил:

— П-продолжим?.. — Он смущенно отвёл взгляд. — Мазь, которую готовили раньше... е-ещё не использовали, она лежит в тумбочке у изголовья, во втором ящике...

Слова, сказанные тише комариного писка, прозвучали для Сяо Чжигэ подобно грому барабанов. В его душе разразилась жестокая борьба, но в конце концов забота о здоровье Ань Чанцина взяла верх. Сжав челюсти так, что на лбу выступили вены, он тяжело и хрипло произнёс:

— ...Сегодня... мы не готовы. Как-нибудь в другой раз.

Лицо Ань Чанцина вспыхнуло ещё сильнее. Увидев, что муж не собирается продолжать, он лишь смущенно отозвался: «О». Хотя он и понятия не имел, что именно нужно готовить для такого дела, раз Сяо Чжигэ так сказал — значит, так тому и быть.

Проведя весь вечер на улице и получив после сполна долгих и нежных поцелуев, Ань Чанцин вскоре погрузился в глубокий сон. А вот Сяо Чжигэ потребовалось немало времени, чтобы перевести дух, да и уснуть с любимым в руках он так и не смог. Едва затеплился рассвет, он поднялся и отправился во двор отрабатывать кулачный бой и упражняться с копьем, встречая новое утро.

<http://bllate.org/book/18381/1767677>